

УДК 340.15

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Трошкина Д. Э.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

В статье проводится историко-правовое исследование трансформации государственных преступлений в уголовном праве советского периода на основе периодизации формирования и развития советского законодательства о контрреволюционных преступлениях. Акцент в статье сделан на рассмотрении контрреволюционных преступлений как одного из вида государственных преступлений, которые признавались наиболее опасными для советской власти. Автор статьи пришел к выводу, что контрреволюционные преступления представляли угрозу для советского государства на всех этапах его развития. Однако исключение термина «контрреволюционное преступление» из уголовного законодательства в послевоенный период позволило отказаться от классового подхода, принципа объективного вменения и понятия «враг народа» в советском уголовном праве. В результате были созданы условия для развития гуманистических положений в современном уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: уголовное законодательство, безопасность государства, защита государственных интересов, государственные преступления, контрреволюционные преступления, советская власть, советское государство.

В настоящее время защита государственных интересов является чрезвычайно важной для российского государства. Ряд документов стратегического планирования направлены на противодействие общественно опасным деяниям, посягающим на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ 2.07.2021 г., «защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны» [1] занимают второе место в перечне национальных интересов РФ, а «оборона страны, государственная и общественная безопасность» [1] являются одним из стратегических национальных приоритетов России. Поэтому противодействие государственным преступлениям представляет приоритетное направление в уголовной политике современного российского государства. Однако, как справедливо отмечает профессор Ю.В. Николаева «уголовная политика в сфере противодействия государственным преступлениям неотделима от истории развития России, смены общественно-экономического, политического положения» [2, с. 152]. Советский опыт борьбы с преступлениями, посягающими на государственный строй, является актуальным и ценным для современного уголовного законодательства.

В историко-правовой науке отдельные вопросы, посвященные изучению государственных преступлений в советский период, рассматривались А.А. Герцензоном, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурмановым в коллективной монографии «История советского уголовного права» [3], В.Н. Рябчуком в уголовно-правовом и криминологическом исследовании «Государственная измена и шпионаж» [4], Т.К. Агузаровым, Ю.В. Грачевой в историко-правовых очерках «Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке» [5], в научных статьях Ю.В. Николаевой [2,6], В.М.

Деревсковой [7], Е.В. Щелконоговой [8], А.И. Чучаева [9], Н.И. Биюшкиной [10] и др. При этом акцент в работах делался на характеристике государственных преступлений в советском уголовном законодательстве или проведении аналогии некоторых составов государственных преступлений советского периода с составами общественно опасных деяний, содержащимися в действующем УК ФР.

Целью статьи является историко-правовое исследование трансформации государственных преступлений в уголовном праве советского периода на основе периодизации формирования и развития советского законодательства о контрреволюционных преступлениях. Акцент в статье сделан на рассмотрении контрреволюционных преступлений как одного из вида государственных преступлений, которые признавались наиболее опасными для советской власти.

Целесообразно в формировании и развитии советского законодательства о контрреволюционных преступлениях выделить четырех этапов:

1) 1922-1924 гг. – период формирования дефиниции «контрреволюционное преступление» и определение его видов в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.;

2) 1924-1941 гг. – период развития преступлений, посягающих на государственный строй в общесоюзном уголовном законодательстве;

3) 1941-1945 гг. – период образования новых составов контрреволюционных преступлений в условиях военного времени;

4) 1945-1960 гг. – период отказа от термина «контрреволюционное преступление» и появление «особо опасных государственных преступлений» в уголовном законодательстве советского государства.

Появление термина «контрреволюционное преступление» было обусловлено революционными событиями 1917 года, происходящими в российском государстве, результатом которых стало свержение Временного правительства и установление советской власти. Для обеспечения безопасности «нового» советского государства и укрепления власти Советов необходимо было на законодательном уровне регламентировать борьбу с контрреволюцией.

Первый этап (1922-1924 гг.) характеризуется принятием первого советского УК РСФСР 1922 г., в котором впервые было сформулировано понятие «контрреволюционное преступление» и определены его составы. Согласно ст. 57 УК РСФСР 1922 г. под контрреволюционным преступлением понималось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [11]. По мнению проф. А.В. Маклецова понятие контрреволюционного преступления «носит декларативно-политический характер и с точки зрения юридико-технической может быть использовано советскими юристами только как определение цели действий, именуемых контрреволюционными» [12, с. 180-181].

В качестве объектов посягательства советский проф. А.А. Пионтковский в рамках данной статьи выделял – «классовое господство пролетариата в его политическом выражении; коммунистическую систему собственности; основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [13, с. 11].

В УК РСФСР 1922 г. было закреплено 17 составов контрреволюционных преступлений, которые советский ученый-правовед А.Н. Трайнин предлагал классифицировать в зависимости от их непосредственного объекта следующим образом:

1. Преступления изменнические (ст. 59 «Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики»; ст. 66 «Участие в шпионаже»);

2. Насильственные контрреволюционные преступления (ст. 58 «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний»; ст. 64 «Участие в выполнении террористических актов»; ст. 65 «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений»);

3. Интеллектуальные контрреволюционные преступления (ст. 69 «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов»; ст. 70 «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 72 «Изготовление, хранение, распространение агитационной литературы»; ст. 73 «Распространение ложных слухов, могущих вызвать общественную панику, дискредитировать власть»);

4. Экономическая контрреволюция (ст. 63 «Противодействие в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений»);

5. Специальные составы контрреволюционных преступлений (ст. 67 «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе»; ст. 71 «Самовольное возвращение в пределы РСФСР»);

6. Соучастие и прикосновенность в контрреволюционных преступлениях (ст. 60 «Соучастие в совершении контрреволюционных преступлений»; ст. 61 «Участие в организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 62 «Участие в организации, действующей в контрреволюционных целях, путем возбуждения населения к массовым волнениям»; ст. 68 «Укрывательство и пособничество контрреволюционных преступлений») [14, с. 19].

Представленная классификация позволяет определить общественную опасность рассматриваемых преступлений для советской власти, а также сделать вывод о том, что уголовно-правовой охране, в первую очередь, подлежали общественный строй советского государства, его политическая и экономическая системы.

Впервые определение понятия «контрреволюционное преступление» подверглось изменению в 1923 г., когда постановлением ВЦИК от 10.07.1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» [15] в ст. 57 УК РСФСР 1922 г. были внесены изменения. Во-первых, был дополнен перечень действий совершения контрреволюционного деяния – «путем подрыва или ослабления советской власти» [15]; во-вторых, в ч. 2 ст. 57 УК РСФСР 1922 г. уголовно-наказуемым признавалось покушение на совершение контрреволюционного преступления. Заместитель народного комиссара юстиции РСФСР Н.В. Крыленко утверждал, что вносимые поправки необходимы «для эластичности нашей карательной политики и для борьбы со скрытыми формами контрреволюционной деятельности» [16, с. 50].

В соответствии с вышеуказанным постановлением, кроме ст. 57 «Контрреволюционное преступление», изменениям подлежали ст. 63 «Экономическая контррево-

люция» и ст. 67 «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения» УК РСФСР 1922 г. Так, ст. 63 УК РСФСР 1922 г. дополнена частью 2, предусматривающей уголовную ответственность за совершение саботажа, под которым понимались «действия, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т.д.» [15] (ч. 2 ст. 63). По мнению Д.А. Савченко «изменение имело значение, прежде всего, в борьбе с, так называемой, экономической контрреволюцией, считавшейся новой формой сопротивления классовых врагов диктатуры рабочего класса» [17, с. 124]. В ст. 67 УК РСФСР 1922 г. устанавливалась уголовная ответственность не только лиц, занимающих ответственные должности при царском строе, но и состоящих на особо секретных должностях, к которым относилась агентура бывших охранных отделений.

На IV сессии ВЦИК IX созыва изменениям была подвергнута ст. 64 УК РСФСР 1922 г., в соответствии с которым слово «участие» в выполнении террористических актов заменялось на слово «организация» [18], подразумевающей подготовку, распределение ролей между участниками, а также руководство их деятельностью. Тем самым, советский законодатель расширил уголовную ответственность за совершение террористического акта. Таким образом, на первом этапе (1922-1924 гг.) формирования преступлений, посягающих на государственный строй советского государства в ст. 57 УК РСФСР 1922 г. было сформулировано понятие «контрреволюционное преступление» и установлен перечень его видов (ст. ст. 58-73), которые в первые два года действия УК РСФСР 1922 г. были подвергнуты изменениям в соответствии с условиями социально-политической обстановки данного периода.

Второй этап (1924-1941 гг.) развития преступлений, посягающих на государственный строй, в общесоюзном уголовном законодательстве связан с проведением новой кодификации уголовного законодательства. Особенность данного периода заключалась в том, что правовое регулирование государственных, в том числе контрреволюционных преступлений, относилось к компетенции СССР (ст. 3 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»). Это обстоятельство свидетельствует о том, что определение норм о контрреволюционных преступлениях было передано на уровень СССР, а не союзных республик.

До принятия ЦИК СССР Положения о государственных преступлениях в УК РСФСР 1926 г. включались статьи о контрреволюционных преступлениях (ст. ст. 57-73) УК РСФСР 1922 г. с необходимыми редакционными поправками. Глава I «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. была дополнена нормой об использовании «религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям» [19] (ст. 119 глава III. «Нарушение правил об отделении церкви от государства» УК РСФСР 1922 г.), которая стала признаваться контрреволюционным преступлением (ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г.)

С принятием и утверждением ЦИК СССР 25.02.1927 г. «Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» [20] нормы указанного закона полностью заменили статьи гл. I. «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. [21].

В УК РСФСР 1926 г. был сокращен перечень составов контрреволюционных преступлений (с 18 до 14), советский законодатель отказался от признания контрреволюционными таких деяний как: ст. 58.6 «Участие в организации, действующей в целях, означенных в статье 58.1 настоящего кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей»; ст. 58.15 «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии»; ст. 58.16 «Самовольное возвращение в пределы РСФСР»; ст. 58.18 «Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее» УК РСФСР 1926 г. [19]. В период проведения НЭП сохранение указанных общественно опасных деяний в уголовном законодательстве было нецелесообразно.

В 1934 г. ЦИК СССР принято постановление «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» [22], им устанавливалась уголовная ответственность за совершение изменнических действий гражданами СССР, военнослужащими, а также членами семьи подозреваемого в измене (ст. ст. 1¹-1⁴). После дополнения закона о государственных преступлениях соответствующие изменения нашли свое отражение в УК РСФСР 1926 г. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20.07.1934 г. «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» глава I. «Контрреволюционные преступления» была дополнена 4я составами контрреволюционных деяний: ст. 58-1а «Измена родине», ст. 58-1б «Измена родине, совершенная военнослужащими», ст. 58-1в «Ответственность совершеннолетних членов семьи за совершение измены военнослужащим», ст. 58-1г «Недонесение об измене» [23].

Таким образом, на втором этапе развития преступлений, посягающих на государственный строй, в общесоюзном уголовном законодательстве (1924-1941 гг.) советский законодатель отказался от криминализации контрреволюционных преступлений, утративших свою актуальность и дополнил главу I. «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. новыми видами общественно опасных деяний.

Третий этап (1941-1945 гг.) – период советского законодательства о контрреволюционных преступлениях в условиях военного времени. Основополагающие значение для указанного периода имели постановления Государственного Комитета Обороны СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, Пленумы Верховного Суда СССР, приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и Народного комиссариата юстиции СССР уголовно-правового содержания.

Борьба с контрреволюционными преступлениями регламентировалась Положением о государственных преступлениях 1927 г., а также УК РСФСР 1926 г. с внесенными в него изменениями, принятыми в довоенное время. Однако чрезвычайная обстановка, складывающаяся в период ВОВ, способствовала появлению новых противоправных общественно опасных деяний, которые квалифицировались органами как контрреволюционные преступления. Так, по делам о контрреволюционной агитации и пропаганде (ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г.) в процессе судебной практики было дано толкование понятия «военной обстановки», под которой понималась «обстановка, создававшаяся во время войны всюду в стране, независимо от близости или отдаленности места совершения преступления от фронта» [3, с. 434].

В июле 1941 г. Президиум ВС СССР принял Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [24], в соответствии с которым граждане привлекались к ответственности в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет. Военные трибуналы квалифицировали данные деяния как контрреволюционную пропаганду и агитацию (ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г.) Пленум Верховного суда СССР указывал, что данное деяние можно было квалифицировать по ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. в том случае, если распространяемые слухи, возбуждающие тревогу среди населения, характеризовались антисоветским содержанием, а также и в том случае, если лицо сознательно во вменяемом состоянии допускало высказывания против советской власти, то есть тем самым выражался контрреволюционный умысел, который содержался в указанных высказываниях [25, с. 63-64].

Новым общественно опасным деянием в условиях военного времени признавалась порча трофейного оружия или военного имущества, а также уклонение от сдачи указанных предметов, которые квалифицировались по ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. (саботаж). Так, по постановлению ГКО СССР от 16.01.1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества», все граждане, которые проживали на освобожденной Красной Армией территории, должны были сдавать брошенное огнестрельное или холодное оружие, боеприпасы к нему, военное и общественное имущество в течение 24 ч. после обнаружения, воинским частям, органам НКВД СССР или местным органам власти. Согласно п. 3 указанного постановления «Лица, не сдавшие в установленный срок огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, подлежат ответственности по ст. 182 Уголовного кодекса, а в случае злостного уклонения от сдачи – по ст. 58 п. 14 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям Уголовного кодекса других союзных республик» [26].

За порчу огнестрельного или холодного оружия, боеприпасов к нему, а также военного имущества или уклонение от сдачи прочего имущества вышеназванным постановлением устанавливалась ответственность в виде штрафа до 3000 руб. и лишение свободы сроком на 6 мес., а в случае злостной порчи указанных предметов или злостного уклонения от сдачи данного имущества предусматривалась уголовная ответственность по ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. [26]

Во исполнение постановления ГКО СССР от 16 января 1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества» НКЮ СССР 26.01.1942 принял приказ «Об ответственности граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, за несдачу трофейного имущества, брошенного противником» [27], согласно которому военные трибуналы должны были квалифицировать указанные деяния по ст. 58.14 и ст. 182 УК РСФСР 1926 г. и рассматривать их в срок не позднее 3-х дней со дня поступления дела в военный трибунал. По мнению председателя Верховного суда СССР И.Т. Голякова в данном случае указанные деяния не могли рассматриваться как вид контрреволюционного саботажа, так как отсутствовала специальная цель контрреволюционного преступления – «ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата» [25, с. 140], которая выступала существенным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. Поэтому отказ от сдачи трофейного имущества, его порча или злостное уклонение от сдачи прочего имущества на освобожденных территориях, следовало выделять в самостоятельный состав такого преступления, как присвоение социали-

стической собственности с установлением санкции, предусмотренной ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г.

Особо тяжким общественно опасным деянием в период военного времени признавалось совершение шпионажа, измены Родине советскими гражданами, а также пособничество солдатам немецкой армии. Данный вид преступного деяния определялся в советском уголовном праве как специальный состав измены Родине. Согласно указу Президиума ВС СССР от 19.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» [28] устанавливалась ответственность в виде смертной казни путем повешения для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан, а также каторжные работы сроком от 15 до 20 лет для пособников из местного населения.

Стоит отметить, что в советском уголовном законодательстве отсутствовали указанные виды наказаний, УК РСФСР 1926 г. не предусматривал санкций в виде каторжных работ, а смертная казнь осуществлялась путем расстрела, а не повешения. По мнению Г.Р. Кудояровой «законодательство “с двойным дном” дало возможность официально отсутствующей мере наказания укомплектовать лагеря рабочей силой, предназначенной для выполнения тяжелых работ, - страшная мера наказания для осужденных за измену Родине стала привлекательной для осуществления наказания за контрреволюционные преступления» [29, с. 31]. Однако, как отмечает С.Г. Степаненко «указ от 19 апреля 1943 года, предусматривавший для военных преступников и их пособников такие меры наказания, как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, давали в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними во время войны, а также их после ее завершения» [30, с. 162]. Мы полагаем, что в условиях военного времени необходимо было применение более строгих видов наказаний за совершение особо опасных преступных деяний против государства и власти (измена Родине, шпионаж).

Таким образом, в период ВОВ уголовное законодательство о контрреволюционных преступлениях продолжало регулироваться Положением о госпреступлениях 1927 г., а также УК РСФСР 1926 г. с внесенными в него изменениями. Однако чрезвычайная обстановка военного времени способствовала появлению новых видов общественно опасных деяний, посягающих на государство и власть, борьба с которыми предусматривалась принимаемыми в указанный период нормативными правовыми актами уголовно-правового содержания различными органами государственной власти (ГКО СССР, Верховным Советом СССР, Верховным Судом СССР, Прокуратурой СССР и НКЮ СССР).

Четвертый этап (1945-1960 гг.) развития уголовного законодательства о государственных преступлениях в послевоенный период связан с принятием нового общесоюзного уголовного закона о государственных преступлениях – закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [31] (далее – закон о государственных преступлениях 1958 г.) и проведением новой кодификации уголовного законодательства в РСФСР – принятие УК РСФСР 1960 г.

Закон о государственных преступлениях 1958 г. имел важное значение для уголовного законодательства советского государства в борьбе с противоправными деяниями, посягающими на безопасность государства и власть. Советский законода-

тель отказался от термина «контрреволюционное преступление», которое просуществовало в уголовном законодательстве более 40 лет. Проф. Ю.В. Николаева отмечает, что «упразднение термина “контрреволюционное преступление” повлекло за собой упразднение контрреволюционного умысла и цели, а также исключение такой меры социальной защиты как объявление врагом трудящихся» [6, с. 314]. Согласно этому закону термин «контрреволюционные преступления» подлежал замене на термин «особо опасные государственные преступления», содержащие 10 составов преступных посягательств против государственного строя (ст. ст. 1-10) [31].

Так, в законе о государственных преступлениях 1958 г. не выделялись в качестве самостоятельных составов преступлений такие деяния, как «вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах (ст. 2), сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством, способствование иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады (ст. 3), оказание помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, стремится к ее свержению (ст. 4), склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к вооруженному вмешательству в дела СССР» (ст. 5) Положения о преступлениях государственных 1927 г. Все эти деяния содержались в ст. 1 «Измена родине» закона о государственных преступлениях 1958 г., согласно которой: «Измена родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти» [31]. По мнению Л.Н. Смирнова указание на умышленный характер действий обеспечивало соблюдение основного принципа советского уголовного права о применении уголовного наказания лишь к лицам, виновным в совершении того или иного преступления [32, с. 82]. Поэтому в статье «Измена Родине» не была предусмотрена уголовная ответственность и наказание членов семьи изменника Родине, не виновных в совершении преступления. Что, в свою очередь, способствовало отказу от принципа объективного вменения в уголовном законодательстве и признание привлечения к уголовной ответственности исключительно за виновное совершение преступления. Норма о недонесении о готовящейся или совершенной измене (ст. 1⁴ Положения о преступлениях государственных 1927 г.) [20] отсутствовала в законе о государственных преступлениях 1958 г., однако устанавливалась ответственность за «недонесение об известных готовящихся или совершенных государственных преступлениях» (ст. 26 закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления») [31].

Некоторым уточнениям и изменениям по сравнению со ст. 6 Положения о преступлениях государственных 1927 г. подверглась ст. 2 закона о государственных преступлениях 1958 г., предусматривающая наказание за шпионаж. Её новая редакция устанавливала ответственность за передачу, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре не только сведений, составляющих государственную или военную тайну, но и «иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР» [31].

Существенным изменениям была подвергнута статья о террористическом акте. Впервые в законе о государственных преступлениях 1958 г. сформулирована дефиниция «террористического акта», под которым понималось «Убийство государственного или общественного деятеля, или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти» [31] (ч. 1 ст. 3). Квалифицирующим видом террористического акта являлось причинение тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю, или представителю власти (ч. 2 ст. 3). Данный вид преступного деяния отсутствовал в Положении о преступлениях государственных 1927 г. Также в законе о государственных преступлениях 1958 г. уточнен основной признак преступления, определявший его особую опасность для государства и общества – «подрыв или ослабление советской власти» [33, с. 175] (ст. 3).

Новым в правовом понимании террористического акта стало «Убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений» (ч. 1 ст. 4), а также «тяжкое телесное повреждение, причиненное тем же лицам с той же целью» (ч. 2 ст. 4). Необходимость в криминализации указанного противоправного деяния была обусловлена историческими условиями. Как отмечал заслуженный юрист РСФСР С.В. Бакшеев: «В истории советского государства были случаи, когда агенты империализма покушались на представителей иностранных государств, аккредитованных при советском правительстве, с целью создать для СССР международные осложнения или спровоцировать войну. Такие действия являются посягательством на внешнюю безопасность СССР и должны рассматриваться как особо опасные государственные преступления» [34, с. 27].

Некоторые изменения были внесены в норму о диверсии. Согласно ст. 5 закона о государственных преступлениях 1958 г. уголовно-наказуемым признавалось «совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства» [31].

Вредительство в вышеназванном законе определялось как «действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путём использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путём противодействия их нормальной работе» [31]. Тем самым советский законодатель установил уголовную ответственность не только за совершение определенного действия, но и за бездействие лица. По сравнению с редакцией ст. 7 Положения о преступлениях государственных 1927 г. был расширен перечень объектов посягательства путем включения сфер сельского и народного хозяйства.

Объективная сторона государственного преступления, предусмотренного ст. 7 «Анτισоветская агитация и пропаганда» закона о государственных преступлениях 1958 г. была дополнена деянием, заключающемся в «распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» [31]. Стоит отметить, что указанное дополнение не являлось нововведением в уголовном законодательстве, а было заимствовано из ст. 73 УК РСФСР 1922 г., в которой устанавливалась ответственность за «измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных и неверных сведений, возбуждающих недоверие»

рие к власти или дискредитировать ее» [11].

Квалифицирующими признаками ст. 7 «Анτισоветской агитации и пропаганды» выступали совершение указанного деяния «лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время» (ч. 2 ст. 7 закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления») [31]. В новой редакции советский законодатель отказался от совершения данного преступления «при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в местностях, объявленных на военном положении» [20], которые были определены в ч. 2 ст. 10 Положения о преступлениях государственных 1927 г.

Новеллой в законе СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» стала ст. 8, устанавливающая уголовную ответственность за пропаганду войны. Предпосылкой криминализации указанного деяния стал принятый Верховным Советом СССР закон от 12.03.1951 «О защите мира» [35], в котором определялось, что «пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества» [35]. Однако в законе отсутствовала конкретная санкция за пропаганду войны. В ст. 8 закона о государственных преступлениях 1958 г. указывалось, что данное преступление «наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет» [31].

Закон 1958 г. сохранил нормы, предусматривающие уголовную ответственность за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, а равно за участие в антисоветских организациях (ст. 9); а также за особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся (ст. 10) [31].

Необходимо отметить, что некоторые преступления потеряли свою актуальность в связи с изменением социально-политической обстановки в послевоенное время. Одним из таких преступлений являлся контрреволюционный саботаж, предусмотренный ст. 14 Положения о преступлениях государственных 1927 г. По мнению Н.И. Загородникова устаревшей и потерявшей свое значение статьей являлась также «статья, предусматривающая ответственность за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» (ст. 13 Положения о государственных преступлениях 1927 г.) [36, с. 86]. Как отмечал Л.Н. Смирнов «практическое применение норм, установленных этими статьями за последние годы было настолько ничтожным, что законодатель совершенно правильно вовсе исключил их» [32, с. 86].

Статьи закона о государственных преступлениях 1958 г. были включены в УК РСФСР 1960 г., утвержденный Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. [37], без изменений, трансформировав «контрреволюционные преступления» в «особо опасные государственные преступления», а «особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» в «иные государственные преступления».

Таким образом, в уголовном законодательстве о государственных преступлениях в послевоенный период произошли значительные изменения, которые заключались в: отказе от термина «контрреволюционное преступление», замена его термином «особо опасные государственные преступления», как следствие исключение контр-

революционной цели и умысла из законодательного описания преступлений; уточнении понятий ряда особо опасных государственных преступлений (измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия, вредительство, антисоветская агитация и пропаганда); появлении нового состава государственного преступления «Пропаганда войны» (ст. 8); исключении из уголовного законодательства норм, потерявших свою значимость и актуальность (ст. 13, ст. 14 Положение о преступлениях государственных 1927 г.)

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что контрреволюционные преступления, являясь разновидностью государственных преступлений, представляли угрозу для советского государства на всех этапах его развития. Однако исключение термина «контрреволюционное преступление» из уголовного законодательства в послевоенный период позволило отказаться от классового подхода, принципа объективного вменения и понятия «враг народа» в советском уголовном праве. В результате были созданы условия для развития гуманистических положений в современном уголовном законодательстве России.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2024). – Текст: электронный.
2. Николаева Ю.В. Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 1. – С. 142-152.
3. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – Москва: Юрид. изд-во, 1948. – 466 с.
4. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование / В. Н. Рябчук. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. – 1100 с.
5. Агузаров Т.К. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. Москва: Проспект, 2015. – 166 с.
6. Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления в советский период // Образование и право. 2022. № 9. – С. 308-317.
7. Деревскова В.М. Контрреволюционные преступления в СССР в свете репрессий и реабилитации (историко-правовой анализ) // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 4 (8). – С. 8-22.
8. Щелконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 3. – С. 126-134.
9. Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (общая характеристика) // Lex Russica. 2012. Т. 71. № 5. – С. 833-857.
10. Биюшкина Н.И. Уголовное законодательство советских социалистических республик в 1920-х гг.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. – С. 70-81.
11. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
12. Маклецов А.В. Уголовное законодательство РСФСР до издания Уголовного кодекса // Право Советской России: сборник статей / сост. Н.Н. Алексеевым [и др.]. – Прага: Тип. Легиография, 1925. Вып. 2. – С. 180-181.
13. Пионтковский А.А. Контрреволюционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. № 2 (8). 1924. – С. 11-15.
14. Уголовное право РСФСР. Часть особенная: Преступления против государства и социального порядка / А.Н. Трайнин; под общ. ред. Д.А. Магеровский. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 339 с.
15. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 48. Ст. 479.
16. Стенографический отчет: вторая Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета X созыва / РСФСР. – Москва: 7-я тип. «Мосполиграф», 1923. – 805 с.
17. Савченко Д.А. История российского законодательства об ответственности за государственные преступления: учеб. пособие / Д.А. Савченко; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. акад. гос. службы (СибАГС). – Новосибирск: СибАГС, 2002. – 247 с.

18. Постановление IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва от 11 ноября 1922 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 72-73. Ст. 906.
19. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
20. Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1927. Отд. I. № 12. Ст. 123.
21. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.
22. Постановление Центрального Исполнительного Комитета от 8 июня 1934 г. «О дополнении положений о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК от 9 июня 1934 г. № 133.
23. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 20 июля 1934 г. «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. № 30. Ст. 173.
24. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 32.
25. Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть II. Уголовное право. Уголовный процесс / под редакцией И.Т. Голякова. – Москва: юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 216 с.
26. Постановление ГКО СССР от 16 января 1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества» // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Официальный сайт. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1345047> (дата обращения: 22.06.2024). – Текст: электронный.
27. Приказ Народного комиссариата юстиции СССР от 26 января 1942 г. № 6 «Об ответственности граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, за не сдачу трофейного имущества, брошенного противником» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. - 1 мая 1943 г. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 296 с.
28. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» // В штабах Победы. 1941-1945. Документы в 5 книгах / отв. ред. А.К. Сорокин / Книга 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». – Москва: РОССПЭН, 2020. – 576 с.
29. Кудоярова Г.Р. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №1. – С. 28-31.
30. Степаненко С. Г. Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах краснодарских судебных процессов 1943 – 1974 гг.) / С.Г. Степаненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. №1 (5). – С. 161-165.
31. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 8.
32. Смирнов Л.Н. Об уголовной ответственности за государственные преступления // Советское государство и право. 1959. № 2. – С. 79-87.
33. Политический терроризм в России в последней четверти XIX-начале XXI в.: генезис и особенности проявления: монография / Н.А. Володина, В.П. Пляскин, С.Д. Половецкий, М.С. Полянский, И.А. Шеин. – Санкт-Петербург: Научное издательство «Лань», 2023. – 330 с.
34. Бакшеев С. В. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления // Советская юстиция. 1959. № 2. – С. 47-78.
35. Закон СССР от 12 марта 1951 г. «О защите мира» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 21 марта 1951 г. № 5.
36. Загородников Н.И. Уголовная ответственность за государственные преступления / канд. юрид. наук полк. Н.И. Загородников. – Москва: [б.и.], 1959. – 53 с.
37. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. Т. 8. – 854 с.

Troshkina D.E. Transformation of state crimes in the criminal legislation of the soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – Р.

The article provides a historical and legal study of the transformation of state crimes in the criminal law of the Soviet period based on the periodization of the formation and development of Soviet legislation on counterrevolutionary crimes. The article focuses on the consideration of counterrevolutionary crimes as one of the types of state crimes that were recognized as the most dangerous for the Soviet government. The author of the article came to the conclusion that counterrevolutionary crimes posed a threat to the Soviet state at all stages of its development. However, the exclusion of the term "counterrevolutionary crime" from criminal law in the post-war period made it possible to abandon the class approach, the principle of objective imputation and the concept of "enemy of the people" in Soviet criminal law. As a result, conditions were created for the development of humanistic provisions in the modern criminal legislation of Russia.

Key words: criminal law, state security, protection of state interests, state crimes, counterrevolutionary crimes, soviet power, the Soviet state.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» / Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrasheniya: 18.06.2024). – Tekst: e'lektronnyj.
2. Nikolaeva Yu.V. Gosudarstvenny'e prestupleniya v sisteme Osobnojj chasti Ugolovnojj kodeksa RSFSR i Ugolovnojj kodeksa Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 1. – S. 142-152.
3. Istoriya sovetskogo ugolovnojj prava / A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov [i dr.]. – Moskva: Yurid. izd-vo, 1948. – 466 s.
4. Gosudarstvennaya izmena i shpionazh: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie / V. N. Ryabchuk. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2007. – 1100 s.
5. Aguzarov T.K. Gosudarstvenny'e prestupleniya v ugolovnom prave Rossii v XX veke: istoriko-pravovy'e ocherki / T.K. Aguzarov, Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. Moskva: Prospekt, 2015. – 166 s.
6. Nikolaeva Yu.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za gosudarstvenny'e prestupleniya v sovetskij period // Obrazovanie i pravo. 2022. № 9. – S. 308-317.
7. Derevszkova V.M. Kontrevolyucionny'e prestupleniya v SSSR v svete repressij i reabilitacii (istoriko-pravovoj analiz) // Iskusstvo pravovedeniya. The art of law. 2023. № 4 (8). – S. 8-22.
8. Shhelkonogova E.V. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie i Ugolovnyj kodeks RF: sravnitel'no-pravovoj analiz // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3. – S. 126-134.
9. Chuchaev A.I. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (obshhaya karakteristika) // Lex Russica. 2012. T. 71. № 5. – S. 833-857.
10. Biyushkina N.I. Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovetskix socialisticheskix respublik v 1920-x gg.: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2021. № 6. S. 70-81.
11. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta ot 1 iyunya 1922 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnojj Kodeksa RSFSR» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
12. Maklecov A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo RSFSR do izdaniya Ugolovnojj kodeksa // Pravo Sovetskooj Rossii: sbornik statej / sost. N.N. Alekseevy'm [i dr.]. Praga: Tip. Legiografija, 1925. Vy'p. 2. S. 180.
13. Piontkovskij A.A. Kontrevolyucionny'e prestupleniya v Ugolovnom Kodekse RSFSR // Sovetskoe pravo. № 2 (8). 1924. – S. 11-15.
14. Ugolovnoe pravo RSFSR. Chast' osobennaya: Prestupleniya protiv gosudarstva i social'nogo poryadka / A.N. Trajnin; pod obshh. red. D.A. Magerovskij. – Leningrad: Gos. izd-vo, 1925. – 339 s.
15. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta ot 10 iyulya 1923 g. «Ob izmeneniyax i dopolneniyax Ugolovnojj kodeksa R.S.F.S.R.» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1923. № 48. St. 479.
16. Stenograficheskij otchet: vtoraya Sessiya Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta X sozy'va / RSFSR. – Moskva: 7-ya tip. «Mospoligraf», 1923. – 805 s.
17. Savchenko D.A. Istoriya rossijskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za gosudarstvenny'e prestupleniya: ucheb. posobie / D.A. Savchenko; Ros. akad. gos. sluzhby' pri Prezidente Ros. Federacii, Sib. akad. gos. sluzhby' (SibAGS). – Novosibirsk: SibAGS, 2002. – 247 s.
18. Postanovlenie IV sessii Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta IX sozy'va ot 11 noyabrya 1922 g. «Ob izmeneniyax i dopolneniyax Ugolovnojj Kodeksa RSFSR» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1922. № 72-73. St. 906.
19. Postanovlenie VCIK ot 22 noyabrya 1926 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnojj kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1926. № 80. St. 600.
20. Postanovlenie CIK SSSR ot 25 fevralya 1927 g. «Polozhenie o prestupleniyax gosudarstvenny'x (kontrevolyucionny'x i osobo dlya Soyuzo SSR opasny'x prestupleniyax protiv poryadka upravleniya)» // Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva SSSR. 1927. Otd. 1. № 12. St. 123.
21. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 6 iyunya 1927 g. «Ob izmenenii Ugolovnojj kodeksa R.S.F.S.R.

- redakcii 1926 g.» // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. 1927. № 49. St. 330.
22. Postanovlenie Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta ot 8.06.1934. «O dopolnenii polozheniya o prestupleniyax gosudarstvenny'x (kontrevolyucionny'x i osobo dlya Soyuznogo SSSR opasny'x prestupleniyax protiv poryadka upravleniya) stat'yami ob izmene rodine» // *Izvestiya CIK SSSR i VCIK* ot 9.06.1934.
23. Postanovlenie Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta i Soveta narodny'x komissarov RSFSR ot 20 iyulya 1934 g. «O dopolnenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR st. st. 58-1a, 58-1b, 58-1v, 58-1g» // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva*. 1934. № 30. St. 173.
24. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 6 iyulya 1941 g. «Ob otvetstvennosti za rasprostranenie v voennoe vremya lozhny'x sluxov, vzbuzhdayushhix trevogu sredi naseleniya» // *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR*. 1941 g. № 32.
25. *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny`*. Chast` II. Ugolovnoe pravo. Ugolovny`j process / pod redakciej I.T. Golyakova. – Moskva: yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1948. 216 s.
26. Postanovlenie GKO SSSR ot 16 yanvarya 1942 g. № 1156 «O sdache trofejnogo imushhestva» // *Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'cina*. Oficial'ny`j sajt. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1345047> (data obrashheniya: 22.06.2024). – Tekst: e`lektronny`j.
27. Prikaz Narodnogo komissariata yusticii SSSR ot 26 yanvarya 1942 g. № 6 «Ob otvetstvennosti grazhdan, prozhivayushhix v osvobodzhenny'x Krasnoj Armiej naselenny'x punktax, za nesdachu trofejnogo imushhestva, broshennogo protivnikom» // *Zakonodatel'ny'e i administrativno-pravovy'e akty` voennogo vremeni*. 22 marta 1942 g. - 1 maya 1943 g. – Moskva: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1943. – 296 s.
28. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 «O merax nakazaniya dlya nemecko-fashistskix zlodeev, vinovny'x v ubijstvax i istyazaniyax sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plenny'x krasnoarmejcev, shpionov, izmennikov Rodiny` iz chisla sovetskix grazhdan i ix posobnikov» // *V shtabax Pobedy`. 1941-1945. Dokumenty` v 5 knigax / otv. red. A.K. Sorokin / Kniga 3*. 1943. «Lomaya upornoe soprotivlenie vruga...». – Moskva: ROSSPE N, 2020. – 576 s.
29. Kudoyarova G.R. Realizaciya Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 v sudebnoj praktike SSSR // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2015. №1. – S. 28-31.
30. Stepanenko S. G. Sudebny`e processy` nad voenny`mi prestupnikami i ix posobnikami kak akt realizacii norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava (na materialax krasnodarskix sudebny'x processov 1943 – 1974 gg.) / S.G. Stepanenko // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2010. №1 (5). – S. 161-165.
31. Zakon SSSR ot 25 dekabrya 1958 g. «Ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny`e prestupleniya» // *Vedomosti VS SSSR*. 1959. № 1. St. 8.
32. Smirnov L.N. Ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny`e prestupleniya // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1959. № 2. – S. 79-87.
33. Politicheskij terrorizm v Rossii v poslednej chetverti XIX-nachale XXI v.: genезis i osobennosti proyavleniya: monografiya / N.A. Volodina, V.P. Plyaskin, S.D. Poloveczkij, M.S. Polyanskij, I.A. Shein. – Sankt-Peterburg: Naukoemkie tehnologii, 2023. – 330 s.
34. Baksheev S. V. Zakon ob ugolovnoj otvetstvennosti za gosudarstvenny`e prestupleniya // *Sovetskaya yusticiya*. 1959. № 2. – S. 47-78.
35. Zakon SSSR ot 12 marta 1951 g. «O zashhite mira» // *Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR* ot 21 marta 1951 g. № 5.
36. Zagorodnikov N.I. Ugolovnaya otvetstvennost` za gosudarstvenny`e prestupleniya / kand. yurid. nauk polk. N.I. Zagorodnikov. – Moskva: [b.i.], 1959. – 53 s.
37. Zakon RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. «Ob utverzhdenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR» // *Svod zakonov RSFSR*. T. 8. – 854 s.